

1527 год. Спасаясь от разграбления Рима, куртизанка Фьяметта и ее спутник, карлик Бучино, бегут в Венецию. Все, что у них есть, — несколько драгоценных камней и желание выжить.

Хитрый Бучино и его яркая напарница в скором времени проникают в сердце венецианского общества. Их состояние начинает расти. Времена нужды и отчаяния, кажется, навсегда остались позади. Но на беглецов обрушиваются новые испытания. И опаснее всех для Фьяметты и Бучино станет слепая целительница Ла Драга. Лишь ей под силу разрушить жизнь карлика и куртизанки. Во имя мести? Или во имя любви?..

bookclub.ua

САРА ДЮНАН

ИСПОВЕДЬ КУРТИЗАНКИ

ИСПОВЕДЬ КУРТИЗАНКИ

САРА ДЮНАН

КСД

SARAH DUNANT

IN THE COMPANY
OF THE COURTESAN

A NOVEL

САРА ДЮНАН

УСНОВЕДЬ
КУРТУЗАНКИ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 КСД

УДК 821.111
Д96

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется при содействии “Aitken Alexander Associates Ltd”
и “The Van Lear Agency LLC”

Переведено по изданию:
Dunant S. In the Company of the Courtesan / Sarah Dunant. —
London : Little, Brown, 2006. — 416 p.

Перевод с английского *Анатолия Михайлова*

Дизайнер обложки *Юлия Дзекунова*

ISBN 978-617-12-9073-0
ISBN 978-0-316-02968-8 (англ.)

- © Sarah Dunant, 2006
- © DepositPhotos.com / Oleg. Ermak88, обложка, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод на русский язык, 2021
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2021

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

История Европы первой половины XVI века представляет собой череду громких политических и религиозных пертурбаций. Погрязшая во лжи и разврате католическая церковь с центром в Риме вдруг обнаружила, что ей бросил вызов нарождающийся протестантизм, выросший из бунта и открытого неповиновения Мартина Лютера в 1517 году и быстро распространяющийся по Германии и Северной Европе.

Италия по-прежнему оставалась хрупким союзом городов-государств, уязвимым для внутренних распрей и иноземного вторжения. Причем особенная опасность исходила со стороны Франции и Испании, ведь последней правил император Священной Римской империи Карл V.

Самыми могущественными городами Италии по праву считались Рим и Венеция. Флоренция медленно погружалась в пучину упадка, и постепенно искусство и культура Высокого Возрождения переместились в Рим, чему в немалой степени способствовали верховные понтифики. Тем временем Венеция, расположенная на берегу Адриатического моря, все еще находилась на вершине славы и успеха. Республика, управляемая большой группой знатных семейств, отличалась замечательной политической стабильностью и пестрым национальным составом; она имела полный контроль над западной частью Средиземноморья и восхитительно богатую

экономику, в основе которой лежали внешняя торговля и коммерческие перевозки. Венеция, словно магнит, влекла к себе купцов, путешественников и авантюристов.

История, которую вы готовитесь прочесть, началась в Риме в 1527 году.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РИМ, 1527 ГОД

Моя госпожа, синьорина Фьяметта Бьянчини, выщипывала брови и легонько покусывала губы, дабы придать им сочный коралловый оттенок, когда случилось невозможное: армия императора Священной Римской империи обрушила часть стены «вечного города» и в пролом хлынули орды полуголодных и полупомешанных вояк, жаждущих крови и грабежей.

В те дни Италия служила шахматной доской для амбиций правителей доброй половины Европы. Угроза войны возникала с тем же постоянством, что и урожай; союзы, заключенные зимой, разваливались уже к весне; в некоторых местах женщины чуть ли не каждый год рожали детей от разных отцов, вторгшихся к ним из-за границы. В великом и славном городе Риме, пребывая под защитой Господа нашего, мы размякли и стали слабыми, но такими уж были те беспокойные времена, что даже святейшие из отцов заключали нечестивые альянсы, а папа, в жилах которого текла кровь Медичи, был куда более склонен к политике, нежели к молитвам.

Даже в самые последние дни перед катастрофой Рим никак не мог поверить, что его гибель близка. Слухи, подобно дурным запахам, расползались по улицам. Каменщики, латавшие городские стены, рассказывали о могучей армии испанцев, первобытная жестокость которых

во всей красе проявилась в их войнах с дикарями в Новом Свете; а к тому же они пополнили свои ряды когортами германских лютеран, вкусивших крови и страданий монахинь, которых они изнасиловали во время марша на юг. Но когда городское ополчение, возглавляемое кондотьером Ренцо де Чери, прошагало по городу, созывая добровольцев для обороны баррикад, те же самые кровожадные гиганты тотчас же превратились в едва живых существ, ползающих на коленях и непристойно освобождающих желудки от непереваренной пищи и кислого вина, проглоченных ими на пути сюда. По его словам, враг был настолько жалок, что даже если у солдат достанет сил поднять ружья, то у них точно не окажется пушек, дабы помочь им, и, собрав достаточное количество доблестных римлян на стенах, мы запросто утопим неприятеля в своих испражнениях и насмешках, когда они попытаются вскарабкаться наверх. Радости войны на словах всегда оказываются краше, чем на деле; тем не менее перспектива выиграть битву мочой и бравадой выглядела достаточно соблазнительной, чтобы привлечь тех немногих искателей приключений, которым было нечего терять, включая подручного нашего конюха, совсем мальчишку, который и покинул нас на следующий же день.

Двумя днями позже армия подступила к самым воротам, и синьорина отправила меня за ним, дабы привести его обратно.

Вечером на улицах нашего пользующегося дурной славной и обычно громогласного города стало особенно заметно, что он, подобно моллюску, захлопнул створки своей раковины. Богачи уже обзавелись собственными армиями, предоставив остальным трястись от страха за запертыми дверями и дурно заколоченными окнами.

И пусть ноги у меня кривоватые и я не хожу, а семеню, зато умею прекрасно ориентироваться, подобно почтовому голубю; запутанные улочки и переулки Рима давно отпечатались у меня в памяти, словно карта. Однажды у моей госпожи случился клиент, капитан торгового флота, который принял мое уродство за знак особой милости Божьей и пообещал мне целое состояние, если я сумею провести его судно через море напрямиком в Индию. Но меня с раннего детства неотвязно преследовал кошмар — огромная птица подхватывает меня когтями и швыряет в бескрайний океан, и поэтому, да и по некоторым иным причинам, вода всегда страшила меня.

Когда впереди показались городские стены, я не увидел на них ни наблюдателей, ни дозорных. До сих пор мы не испытывали в них нужды, и наши полуразрушенные укрепления служили отрадой для глаз скорее любителей древностей, нежели военачальников. Я с трудом вскарабкался наверх у одной из боковых башен, так что бедра занесли после подъема по высоким каменным ступеням, и остановился, переводя дыхание. Чуть поодаль, в каменном коридоре парапета с бойницами, у стены скорчились две какие-то фигуры. И тут у себя над головой и над ними я вдруг расслышал негромкое стенание, похожее на приглушенный шум голосов в церкви на молебствии. Любопытство пересилило страх, и я, привстав на цыпочки и перегнувшись через выщербленную и неровную каменную кладку, выглянул наружу.

Внизу подо мной, насколько хватало глаз, раскинулось огромное покрывало тьмы, пронизанное трепещущими огоньками сотен свечей. Негромкий гул голосов катился в ночи, подобно легкому ветерку, — то ли армия преклонила колени в единой молитве, то ли готовилась отойти ко сну. Пожалуй, вплоть до этого момента даже

я был готов поверить в миф о нашей неуязвимости. Но только сейчас я понял, какие чувства испытывали жители Трои, глядя со своих стен на греков, вставших лагерем вокруг их города, когда лунный свет, отражавшийся от блестящих щитов, сулил им обещание мести и скорой гибели. Живот у меня скрутило ледяной судорогой страха, я спрыгнул обратно на каменный пол галереи и в ярости принялся пинать спящих дозорных, желая разбудить их. Вблизи капюшоны их накидок превратились в клобуки, и моему взору предстали двое молоденьких монахов, едва принявших постриг, с посеревшими и осунувшимися лицами. Выпрямившись во весь рост, я подступил вплотную к первому из них. Он разлепил глаза и заорал, решив с перепугу, будто враг отправил за ним из ада уродливого ухмыляющегося демона. Пронзительный вопль разбудил его товарища. Приложив пальцы к губам, я вновь заулыбался во весь рот. На сей раз заорали оба. Я всегда получал невыразимое удовольствие, когда мне удавалось переполошить церковников, но сейчас мне вдруг захотелось, чтобы им достало мужества противостоять мне. Голодный лютеранин насадил бы обоим на кончик своего штыка, прежде чем они успели бы прошептать благословение. Оба истово перекрестились и, когда я стал расспрашивать их, яростными взмахами рук отправили меня в сторону ворот Сан-Спирито, где, по их словам, оборона выглядела не в пример мощнее. Единственным военным искусством, которым я владел во всем блеске, было умение набивать собственное брюхо, но даже я знал, что именно у Сан-Спирито город наиболее уязвим. Виноградники кардинала Армеллини подступали там вплотную к городским укреплениям, а жилой дом крестьянина так и вовсе примыкал к стене с бойницами.

Наша армия, когда мне наконец удалось ее обнаружить, сгрудилась вокруг этого самого дома. Парочка так называемых дозорных попыталась было остановить меня, но я заявил им, что пришел вступить в их ряды, дабы принять участие в сражении, и они принялись хохотать так самозабвенно, что пропустили меня, причем один из них решил отвесить мне пинка, правда, безуспешно. В самом лагере половина мужчин была буквально парализована ужасом, а другая попросту упилась до бесчувствия. Помощника нашего конюха я так и не нашел, зато увиденное убедило меня в том, что случись здесь один-единственный прорыв, и Рим сдастся на милость победителя с такой же легкостью, с какой жена раздвигает ноги перед симпатичным соседом.

Вернувшись домой, я застал свою госпожу бодрствующей в ее спальне, после чего поведал ей обо всем, что видел. По своему обыкновению, она выслушала меня очень внимательно. Мы немного поговорили, а когда вокруг нас сомкнулась ночь, погрузились в молчание, уносясь мыслями из настоящего, наполненного теплом благосостояния и безопасности, в мрачное будущее, все ужасы которого мы едва ли могли представить.

Когда при первых лучах рассвета начался штурм, мы уже трудились не покладая рук. Я разбудил слуг еще до восхода солнца, и госпожа велела им накрыть большой стол в Золотой комнате, приказав повару забить самых откормленных свиней и начать подготовку к такому пиршеству, какое мы обычно закатывали для кардиналов или банкиров. Невзирая на протестующий ропот, авторитет ее был таков — или, возможно, сказалось их отчаяние, — что любой план сулил утешение и внушал спокойствие, пусть он даже и выглядел совершенно бессмысленным.

К тому времени особняк уже лишился наиболее нарочитых и демонстративных символов своего богатства: огромные вазы из агата, серебряная столовая утварь, блюда из майолики, позолоченные хрустальные бокалы муранского стекла, равно как и лучшее постельное и столовое белье были припрятаны три или четыре дня назад: их завернули сперва в вышитые атласные драпировки, затем — в тяжелые фламандские гобелены, и уложили в два сундука. Меньший из них был так искусно украшен позолотой и инкрустациями, что его вновь пришлось завернуть в мешковину, дабы уберечь от сырости. Понадобились объединенные усилия повара, мальчишки-конюха и обоих близнецов, чтобы выволочь сундуки во двор, где под каменными плитами близ отхожего места для слуг была выкопана яма. Когда же они были погребены в земле и покрыты свежим слоем фекалий (страх — прекрасное слабительное), мы выпустили пять свиней, купленных несколькими днями ранее по непомерно взлетевшей цене, и они принялись рыться в земле и валяться в грязи, похрюкивая от восторга, как умеют только свиньи.

Теперь, когда все следы ценных вещей исчезли, госпожа взяла свое роскошное ожерелье — то самое, которое надевала на прием в особняке Строщи, там, где комнаты освещались свечами, воткнутыми меж ребер скелетов, а вино, как уверяли впоследствии многие, было таким же сочным и густым, как кровь, — и раздала каждому слуге по две крупных жемчужины. Оставшиеся, заявила она им, будут разделены между ними, если сундуки останутся нетронутыми после того, как минует худшее. Верность — это качество, которое стоит дорого, когда наступают кровавые времена, и в качестве госпожи и хозяйки Фьяметту Бьянчини

любили ничуть не меньше, чем боялись; таким вот способом она ловко настроила своих людей как против себя самой, так и друг против друга. Что же до того, где она спрятала остальные свои драгоценности, то этого она не открыла никому.

После всего этого мы остались в скромном небогатом домике с недорогим орнаментом, двумя лютьями, статуэткой Мадонны в спальне и деревянной панелью с чувственными нимфами в приемной, то есть украшениями, вполне соответствующими ее сомнительному роду занятий, но без малейшего намека на излишества, которыми грешили многие палаццо наших соседей. В общем, спустя несколько часов, когда огромный город пробудился под звон церковных колоколов, которые, такое впечатление, старались перекричать друг друга, сообщая нам о том, что наша оборона рухнула, единственным запахом, исходившим из нашего дома, стал аромат поросенка, медленно жарящегося в собственном соку.

Те, кто выжил, чтобы поведать о случившемся, с благоговейным ужасом рассказывали о первом проломе в стенах; о том, как сражение становилось все яростнее по мере того, как день вступал в свои права, а с болот, раскинувшихся позади позиций неприятельской армии, стал наползать туман, густой и мрачный, словно мясной бульон. Он поглотил сосредотачивающиеся для штурма войска, так что наши защитники не могли даже толком прицелиться, пока, подобно армии призраков, враги с ревом не вынырнули из тумана и не атаковали нас. После этого то мужество, что еще у нас оставалось, не могло устоять против их численного превосходства. Дабы подсластить горькую пилюлю, мы все-таки урвали у них недурную добычу, когда выстрел из аркебузы

проделал дыру размером с дароносицу в груди их предводителя, великого Карла де Бурбона. Впоследствии золотых дел мастер Бенвенуто Челлини налево и направо похвалялся своей меткостью. Впрочем, он недаром пользовался репутацией прожженного лжеца. Его послушать, — а он никогда не отказывал себе в удовольствии выставить напоказ собственные достоинства, причем как в особняках знати, так и в тавернах трущоб, — так он чуть ли не в одиночку оборонял город. Следовательно, и винить следует его одного, поскольку в отсутствие вождя некому было остановить кровавое безумие неприятеля. Сквозь тот самый первый пролом в стене они хлынули в город и растеклись по нему, как тараканы. Если бы мосты через Тибр были разрушены, как советовал командующий обороной де Чери, мы могли бы запереть их в Трастевере и удерживать там достаточно долго, чтобы перегруппироваться в некое подобие оборонительных порядков. Но Рим предпочел негу и комфорт здравому смыслу, и с падением Понте-Систо (каковое случилось очень быстро) уже ничто не могло остановить армию вторжения.

Итак, на шестой день мая месяца в 1527 году от рождения Господа нашего началось второе разграбление Рима.

То, что нельзя было унести или обратить в звонкую монету, безжалостно истреблялось и разрушалось. Принято считать, что в этом деле в худшем смысле отличились лютеранские ландскнехты. И пусть император Священной Римской империи поклялся везде и всюду защищать имя Господне, он отнюдь не брезговал тем, чтобы привлекать на свою сторону мечи еретиков, дабы вселить ужас в сердца своих врагов. Для них Рим был лакомым кусочком, обиталищем самого Антихриста,

и в качестве наемников, которым император очень вовремя позабыл выплатить жалованье, они жаждали как набить свои карманы, так и восславить свои души. Каждая церковь представлялась им выгребной ямой коррупции, каждый монастырь — вместилищем шлюх во Христе, каждый лишившийся родителей ребенок был насажен на штык (дети были слишком мелкими целями, чтобы тратить на них пулю) и являл собой душу, спасенную от ереси. Разумеется, все это могло оказаться правдой, но я собственными ушами слышал, как пронзительные крики жертв заглушали еще и испанские, а не только немецкие ругательства и богохульства, и готов биться об заклад, что когда повозки, запряженные мулами, выехали наконец за ворота Рима, нагруженные золотой утварью и гобеленами, то в сторону Испании их направилось ничуть не меньше, чем в Германию.

Если бы они двигались чуточку быстрее, а награбили бы во время своего первого нападения чуточку меньше, то вполне могли бы захватить самый ценный приз: самого понтифика. Но к тому времени, как враги добрались до Ватикана, папа Климент VII, задрав подол своего облачения (и обнаружив, вне всякого сомнения, в своем жирном подбрюшьи клещами вцепившуюся в него свору кардиналов), прихватив заодно и дюжину мешков, поспешно набитых драгоценностями и святыми реликвиями, устремился, сверкая пятками, так, словно за ним гнался сам дьявол, в замок Святого Ангела. Там немедленно был поднят мост, когда преследователи уже показались вдали; дюжина священников и придворных в отчаянии уцепилась за его цепи, и их пришлось стряхивать, после чего все они благополучно утонули в крепостном рву.

Обнаружив, что смерть дышит им в затылок, многие ударились в панику, опасаясь за свои души. Некоторые

клирики, видя, что наступает их последний, судный час, бесплатно отпускали грехи и читали покаянные проповеди, но были и другие, сколотившие небольшие состояния на том, что даровали всепрощение по заоблачным ценам. Не исключено, что сам Господь наблюдал за их работой: уж во всяком случае, когда лютеране находили их, забившихся, словно крысы, в самые темные углы своих церквей, беспомощно кутающихся в мантии, то гнев, обрушившийся на них, выглядел праведным и благородным, и им вспарывали животы, избавляя их сперва от сокровищ, а потом и от кишок.

Тем временем мы в своем доме под звуки все нарастающей бойни, доносившиеся издалека, поспешно полировали вилки и оставшиеся лучшие бокалы. В своей спальне моя госпожа, которая всегда с неизменной тщательностью относилась к поддержанию собственной красоты, навела последние штрихи на свой туалет и сошла вниз. Из ее окна время от времени можно было увидеть на улицах редкие фигурки спешащих людей, поминутно оглядывающихся, словно в опасении, что некая невидимая волна вот-вот накроет их с головой. Минуло совсем немного времени, и мы уже стали различать отдельные крики боли. Настал час личным примером воодушевить наши силы обороны.

Я как раз собрал слуг в столовой, когда она вошла туда. О том, как она выглядела, я расскажу немного погодя: все они были не понаслышке знакомы с величием ее внешности, но сейчас их куда больше волновала возможность спасти свою шкуру, нежели благоговейный трепет, который она внушала одним своим видом. Ей хватило одного взгляда, чтобы оценить происходящее. Слева от нее скорчилась Адриана, ее горничная, так крепко обхватив себя руками за плечи, что ей наверняка было трудно дышать. В дверях застыл Бальдасар, повар, лицо и плечи которо-

го лоснились от жира с вертела, а на дальнем конце только что накрытого стола застыли двое худеньких слуг-близнецов, сжимая в правой руке по хрустальному кубку, и различить их можно было только по тому, что один дрожал сильнее другого.

— Если тебе трудно держать кубок как полагается, лучше поставь его на стол, Заккано, — негромко прозвучал сильный голос госпожи. — Наши гости не обрадуются, увидев, что повсюду рассыпаны осколки стекла.

Заккано всхлипнул, когда пальцы его, сжимающие ножку кубка, разжались и тот выпал в подставленную левую ладонь Джакомо, который, похоже, как всегда, раньше своего брата знал, что тот собирается сделать.

— Bravo, Джакомо. Значит, вино будешь подавать ты.

— Госпожа...

— Бальдасар? — позвала она, даже не повернув головы.

— В подвале есть три ружья. А на кухне — полный ящик ножей. — Он вытер ладони о штаны. — Если мы возьмем каждый по одному...

— Если каждый возьмет себе по одному, объясни мне, как ты будешь разрезать поросенка? — Вот теперь она обернулась и в упор взглянула на него.

Но он выдержал ее взгляд.

— Прошу прощения, госпожа, но это чистое безумие. Разве вы не слышите, что там творится? Мы сами уже превратились в свиней на заклятие. Они просто нанизывают нас на вертела, словно куски мяса.

— Что ж, пожалуй, так оно и есть. Но, несмотря на возмутительное отсутствие манер, вряд ли даже у них достанет дерзости утолить голод, зажарив и съев нас после того, как они нас убьют.

При этих словах Адриана, находившаяся сбоку от нее, испустила долгий отчаянный вопль и повалилась на пол.

Я шагнул было к ней, но Фьяметта одним только взглядом заставила меня замереть на месте.

— Встань, Адриана, — резко бросила она. — Хорошо известно, что когда женщина лежит на земле, задрать ей юбку ничего не стоит. Поэтому вставай. *Немедленно.*

Давясь слезами, Адриана поднялась на ноги. Переполнявшее ее отчаяние ощущалось буквально физически.

Фьяметта развернулась на каблуках, и я увидел, как ярость у нее на лице схлестнулась со страхом.

— Да что с вами всеми такое? — Она с такой силой хлопнула ладонями по столу, что посуда жалобно зазвенела. — Подумайте вот о чем. Не могут же они убить всех нас до единого. Те, кто останется жив, спасут свою шкуру хитростью, а не тупым кухонным ножом. Знай, Бальдасар, что я прощаю тебе подобную глупость, потому что твои соусы искупают мясницкую грубость того, как ты режешь мясо. Когда они доберутся сюда, среди них наверняка найдутся и те, кто еще не утолил свою похоть и жажду крови, но наверняка будут и другие, кто уже сыт этим по горло. Ад поджаривает даже собственных демонов, а жажда убийства вполне способна свести с ума. И потому мы будем спасать их от них самих. Мы распахнем для них двери нашего дома; предложим им уют и гостеприимство, поскольку мы с вами весьма сведущи в этом искусстве. Взамен — хотя они отберут у нас... нет, мы сами предложим им столовые приборы, бокалы, ковры, безделушки и все прочее, что можно содрать со стен, — они, если нам повезет, оставят нам наши жизни. В том числе еще и потому, что когда вы долгие годы проводите в пути, то здание, которое можно назвать домом и в которое можно вернуться, дает вам настоящее утешение, а заодно и становится безопасным местом для хранения награбленного, тем

более что лучше хорошей шлюхи может быть только хороший повар. А этот дом, позволю себе напомнить, располагает и тем и другим.

В воцарившейся тишине я буквально слышал аплодисменты совсем другой аудитории: клириков, банкиров или схоластов, могущественных людей, которые, наевшись и напившись до отвала, наслаждались искусством диспута с красивой женщиной, чья эlegantность приправлена грубостью, — талант, в котором синьорина весьма преуспела. Но здесь и сейчас никто не хлопал в ладоши. Поверили ли ей слуги? На мой взгляд, она изъяснялась весьма убедительно. Однако все это не имело значения. Лишь бы они остались. Но пока никто даже не шелохнулся.

Синьорина перевела дыхание.

— Итак... для всех желающих... дверь находится вон там. Она ждала.

В конце концов повар отвернулся и проворчал:

— Я остался один. Если вам нужна хорошая стряпня, то мне потребуется девчонка в помощь.

— Она еще не готова. Тебе придется обойтись одним из мальчишек. Заккано! Не бойся. Вы разлучаетесь совсем ненадолго. Джакомо, подготовь тонкие восковые свечи. Я хочу, чтобы с наступлением сумерек во всех канделябрах горел огонь. Ты, Адриана, оденься поприличнее. Возьми из моего сундука голубое платье с высоким воротом и пару атласных туфель в тон. Нанеси на лицо румяна — но совсем чуть-чуть. Ты должна выглядеть мило, а не соблазнительно. И пошевеливайся.

Девушка, в душе которой боролись радость и ужас, направилась к лестнице. После того как комната опустела, Фьяметта присела во главе стола. Теперь, когда

лицо ее оказалось в полосе света, я заметил, что оно блестит от пота.

— Отличная работа, — негромко заметил я. — Теперь никто не сбежит.

Пожав плечами, она смежила веки.

— В таком случае они, скорее всего, умрут здесь.

Несколько мгновений мы сидели молча, вслушиваясь в шум снаружи, который становился все громче. Уже совсем скоро ручеек из этих нескольких пропавших душ сменится бурным потоком безумцев.

Но сомнения все равно никуда не делись. Я лишь озвучил их:

— У нас получится?

Она покачала головой.

— Откуда мне знать? Если слухи не лгут и они действительно голодны и выбились из сил, то у нас, возможно, появится шанс. Будем молиться, чтобы первыми здесь оказались испанцы. Я еще не встречала никого, кто излишествам жизни предпочел бы благочестие смерти. А вот если это будут лютеране, то нам остается только перебирать четки и готовиться к тому, чтобы стать мучениками. Но сначала я предпочту проглотить пригоршню драгоценностей.

— Для чего? Чтобы опорожнить желудок в аду и подкупить стражей?

Смех ее вспыхнул, подобно маленькому лучику надежды.

— Ты забываешь о том, что я — куртизанка кардинала, Бучино. У меня столько индульгенций, что их хватит до самого чистилища.

— А что станется с карликом куртизанки кардинала?

— Ты достаточно мал, чтобы спрятаться под облачением кающейся грешницы, — ответила она, но тут на

мгновение чей-то голос перекрыл всеобщий гвалт, и мы сумели разобрать несколько невнятных, но вполне отчетливых слов:

— *Casas de la gente nobile... Estamos aqui*¹.

Итак, похоже, враг все-таки прибыл. Если милость, как говорят, это удел Господа, то удача — забота дьявола, и он присматривает за своими. Мне известно лишь, что в тот день Рим превратился в площадку для игры в судьбу, и когда настала пора сваливать трупы в ямы, то среди погибших оказалось не меньше невинных душ, чем подлецов среди выживших. Что же касается нашего статуса, то судить о нем я предоставляю другим.

Моя госпожа встала и разгладила юбки, словно принарядившаяся хозяйка, которая готовится встретить гостей.

— Будем надеяться, что их командир обретается где-нибудь неподалеку. Не хотелось бы красоваться в своей лучшей золотой парче перед кучкой солдатни. А ты ступай и взгляни, как там Адриана. Если она будет выглядеть как барышня, то проживет дольше, чем простая служанка. Хотя и нарочитая невинность непременно выдаст нас с головой.

Я шагнул было к лестнице.

— Бучино.

Я обернулся к ней.

— Ты еще не забыл, как нужно жонглировать?

— Если уж научился чему-то в детстве, то не забудешь никогда, — отозвался я. — Чем, по-вашему, мне придется жонглировать?

Она улыбнулась.

— Как насчет наших жизней?

---

¹ Дома знатных людей. Нам сюда (исп.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Чтобы добраться до нас, им понадобилось больше времени, нежели мы предполагали. Впрочем, изнасилование и грабеж — дело небыстрое и хлопотное, да и пройти требовалось через многое и многих. Уже сгущались сумерки, когда, стоя на крыше, я увидел, как они заволокли улицу внизу. Подбадривая себя яростными воплями, они вынырнули из-за угла, человек восемь или девять впереди всех, полуголые и размахивающие мечами. Раззявленные рты их походили на черные ямы, движения выглядели резкими и беспорядочными, словно сам дьявол дергал их за ниточки, заставляя танцевать под одному ему слышную музыку. За ними шла еще дюжина с лишним солдат, они тащили телегу, доверху заваленную награбленным, а еще дальше виднелся всадник, хотя если он и был их командиром, то теперь они уже ему не повиновались.

Достигнув нашей площади, они на миг приостановились. В городе ведь полным-полно богатых особняков с запертыми дверями и ставнями. Кое-кто из вояк уже нетвердо стоял на ногах. Рим славился куда лучшим вином, чем та несчастная сельская глушь, которую они уже разграбили, и к этому времени они наверняка опустошили не один бочонок. Здоровяк, державшийся позади, взревел, схватил лежащий на повозке топор, воздел его над головой и, пошатываясь, понесся вперед, чтобы опустить его на оконную раму дома торговца специями, стоявшего на углу. Казалось, дом содрогнулся от удара, а потом изнутри донеслись заплескавшие крики. Шум привлек внимание остальных, и они устремились туда, словно мотыльки на свет. Их было около дюжины, и им понадобилось минут десять, чтобы вломиться внутрь. Оставшиеся снаружи тем временем окидывали настороженными взглядами площадь. Офицер уже слезал с лошади, когда

и я ушел с крыши, чтобы дать знать о происходящем госпоже. Но двор внизу оказался уже пуст, и к краю я вернулся как раз вовремя, чтобы услышать, как внизу лягнули, отпираясь, главные двери. Я увидел, как она вышла на окутанную сумерками площадь.

Что они увидели, когда двери распахнулись, выпуская ее? К этому моменту своей жизни Фьяметта Бьянчини получила куда больше причитающейся ей доли комплиментов, многие из которых оказались достаточно материальными, чтобы быть похороненными в больших сундуках под слоем навоза. Но сейчас все было по-простому, под стать мужчинам, стоявшим перед ней. Она стояла, расправив плечи и выпрямившись во весь рост, как умеют только знатные женщины, привыкшие во время верховой езды держать голову высоко поднятой, глядя поверх толпы. И она была прекрасна. Ее гладкая кожа отливала молочным блеском, словно алебастр, а грудь поднималась из златотканого лифа, который обнажал больше, нежели скрывал: безупречный скромный соблазн в городе богачей, давших обет безбрачия, вынужденных изображать добродетель даже тогда, когда они вышагивали по улицам с членом, торчащим из-под церковного облачения, словно парадный флагшток.

Глаза ее отливали изумрудной зеленью молодой листвы, губы были сочными и алыми, а на щеках рдел слабый персиковый румянец. Но особенно ее выделяли среди прочих именно волосы. Они походили на речное золото в половодье, и богатством цвета они отличались не меньшим; струи белого золота и цвета подсолнечника, разбавленные медом и красным каштаном, невероятно необычные и при этом поразительно естественные, так что сразу становилось ясно, что это — дар Божий, а не ухищрения аптекаря. А поскольку у нее не было кольца

на пальце или супруга в доме, то она носила их распущенными во время своих забав, так что вечерами, когда на нее находила такая блажь и она откидывала голову, смеясь или изображая досаду, этот густой водопад колыхался вместе с ней; и если вам случалось оказаться рядом, то вы могли поклясться, что солнце взошло на небесах только ради вас.

Словом, эти неуклюжие и грубые крестьяне, от которых разило смертью и дешевой выпивкой, при ее появлении замерли на месте как вкопанные. В то время Рим был полон красивых женщин, многие из которых стали еще красивее благодаря своему легкому поведению, и каждая из них напоминала порыв прохладного ветерка для мужчины, умирающего от жажды. Но очень немногие могли соперничать с моей госпожой в том, что касалось ума, который был у нее острее зубочистки, или коварства, когда дело доходило до драки.

— Добрый вечер, солдаты Испании. Вы проделали долгий путь, и наш великий город рад приветствовать вас. — Голос ее звучал звонко и властно, а словарный запас был отточен и обогащен общением с многочисленными испанскими купцами и странствующими монахами. Хорошая куртизанка умеет соблазнять на многих языках, и Рим выпестовал лучших из них. — Где ваш капитан?

Всадник на лошади как раз поворачивал, но другие оказались куда ближе. Теперь, когда ее голос разрушил чары, они начали приближаться к ней, причем один выдвинулся вперед, ухмыляясь во весь рот и протягивая к ней руки с насмешливой мольбой, причем нож в одной из них служил дополнительным средством очарования.

— Я и есть их капитан, — хрипло проговорил он, хотя остальные за его спиной заулюлюкали и засвистели. — А ты, должно быть, папская шлюха.

К этому моменту он подошел к ней почти вплотную. Но она не дрогнула и не отступила, лишь выпрямилась еще больше, став выше его на добрых пару дюймов.

— Со шлюхами, синьор, вы уже пообщались. Здесь же перед вами дом Фьяметты Бьянчини. Он предлагает пищу и кров тем мужчинам, которые еще не извели гостеприимства Рима.

Он крикнул, глядя на нее, — похоже, слова моей госпожи озадачили его. Трое его приятелей вышли из-за его спины, почуяв, что запахло жареным. Но капитан уже слез с лошади и теперь проталкивался вперед сквозь толпу вояк, что сгрудились вокруг. Руки у стоявшего рядом со мной на крыше Заккано затряслись так сильно, что я начал беспокоиться за судьбу ружья, которое он держал. Едва ли вы сумели бы найти в Риме двух других таких же смазливых братьев-близнецов, но, несмотря на схожесть характеров, в минуту опасности Заккано и Джакомо вели себя совершенно по-разному. Впрочем, лишившись мальчишки-конюшего, мы утратили и свободу выбора.

Еще один солдат, чье лицо почернело от пороховой копоти, оттолкнул своего товарища и шагнул вперед, оказавшись совсем рядом с моей госпожой. Рука его потянулась к ее телу. Она даже не шелохнулась, пока пальцы его не оказались в дюйме от ее груди, а потом с быстротой вечерней ласточки подняла свою правую руку и отбросила его ладонь в сторону. Он охнул, не столько от боли, сколько от негодования.

— Прошу прощения, синьор, — сказала она и с быстротой молнии извлекла атласный вышитый платочек, который и протянула ему. — У вас испачканы руки. После того как вы умоетесь, я буду счастлива свести с вами знакомство. Прошу вас — оставьте платок себе.

Он взял его и, поспешно стерев грязь с лица и рук, вновь оборотился к ней. Но я так и не узнал для чего — то ли для того, чтобы вернуть платок, то ли для чего иного, потому что в этот момент рука моя дрогнула, и Заккано по ошибке принял мой панический жест за команду к действию. Прогремел выстрел, но, к счастью, пуля пролетела высоко над их головами. Взгляды солдат устремились вверх. Здесь вдоль среза крыши располагались три ружья и полдюжины ручек для метлы, второпях замаскированных под оружие, и все они были нацелены вниз, на улицу. Учитывая, что в воздухе все еще клубился пороховой дым, особняк в некотором роде выглядел даже защищенным. Правда, относительно того момента мы с ней впоследствии разошлись во мнении. Я уверен, что хотя она еще не проиграла окончательно, выстрел дал им время хорошенько подумать. Она же утверждает, что могла добиться своего и без ненужной пальбы. Как бы там ни было, растерянность и колебания в рядах неприятеля продлились достаточно долго, чтобы вперед протолкался капитан.

Будучи одинакового роста с моей госпожой, он уступал ей сложением; даже в лице его было больше костей, нежели мяса; хотя, умывшись, он стал выглядеть лет на десять моложе, выражение его глаз не смягчилось ни на йоту. Убивать себе подобных — удел взрослых, даже если этим делом занимаются мальчишки. За поясом у него торчала грубая карта города. Судя по размерам телеги, они скорее походили на искателей сокровищ, нежели обуюанных кровавым безумием мстителей. Он и его люди уже награбили столько добра, что должны были стать богачами, но его статус и линия поведения гарантировали ему обладание самыми ценными вещами. Одна из которых в эту минуту стояла перед ним.

— Синьор, — с улыбкой проговорила она, — прошу простить моих слуг. В стремлении защитить свою госпожу они демонстрируют чрезмерное рвение. Я — синьорина Фьяметта Бьянчини, и в этом качестве с удовольствием приглашаю вас и ваших людей на пиршество в моем доме. Бучино! — Хотя обращалась она ко мне, взгляд ее не отрывался от лица капитана. — Ты слышишь меня? Мы среди друзей, и оружие нам более не понадобится. Бросьте его вниз с крыши и возвращайтесь на кухню.

Мы поступили так, как нам было велено. Три старых ружья и шесть метловиц упали на каменные плиты, и солдаты изумленно ахнули при виде столь изощренной военной хитрости.

— Синьоры, мы можем предложить вам поросенка в соусе из трюфелей, жареного каплуна, соленую щуку и чудесные салями на выбор — вы не поверите, какие они огромные...

Их смех перешел в восхищенные возгласы, и моя госпожа рассмеялась вместе с ними, в пылу деланого веселья ни на миг не забывая о добыче, стоявшей перед ней.

— На десерт мы подадим марципаны, молочный пудинг и засахаренные фрукты, а также лучшее вино из наших погребов. У нас есть ароматические свечи из пчелиного воска высочайшего качества, а еще мы готовы предложить вам прелестную музыку в исполнении лютни, которой восторгается сам его святейшество, а после того, как вы угоститесь вдоволь, сможете отдохнуть на чистом белье, которым застелены соломенные тюфяки в комнатах и конюшне внизу. Что же до вас, капитан, — при этих словах она сделала крошечную паузу, — то вас ожидает резная кровать и матрас с гусиным пухом, мягким, словно облако. Наш дом принадлежит вам на то время, которое вы пожелаете провести в нем. А когда

будете уходить, можете забрать из него то, что вам понравится. Взамен мы просим всего лишь защитить нас от тех, кто может прийти после вас.

Пожалуй, если капитан был высокого рождения, то уже сталкивался с такими, как она. Хотя скорее лишь жил мечтами о них. Но она оказалась достаточно реальной — здесь и сейчас. Взгляды всех его солдат до единого были устремлены на него. Судя по всему, он не отличался такой же кровожадностью, как и они, ведь те, кто отдает приказы, подвергаются меньшей опасности, — однако был достаточно умен, чтобы заслужить их почтение. А в данный момент еще и повиновение. Не исключено, правда, что причиной тому оказался восхитительный аромат жареного поросенка, волнами наплывавший на площадь из открытых дверей. Клянусь, даже с крыши я разглядел, что у них потекли слюнки.

Согласно кивнув, он окинул взглядом свое воинство и улыбнулся.

— Римское гостеприимство! Ну, что я вам говорил? — выкрикнул он, и ответом ему стал громовой рев. — Загоняйте повозку во двор и убирайте мечи в ножны. Сегодня мы будем спать на мягких перинах, а синьорина Бьянчини станет нашей хозяйкой. Давайте покажем ей, как испанские манеры могут уравновесить римское богатство.

Затем он повернулся к ней и протянул руку. И хотя крови на ней было ничуть не меньше, чем у предыдущего вояки, она осторожно вложила в нее свою ладонь и поклонилась.

Что до меня, то мне пришлось вспомнить свое умение жонглировать. После того как наши гости напились и наелись до полного изумления, взамен шаров я взял полдю-

жины медных тюбиков из-под помады своей госпожи и принялся подбрасывать их в воздух при свечах, но даже их мускусный аромат не мог заглушить вонь отрыжки, исходящей из множества раззявленных глоток. Пьяные мужланы могут стать злейшими врагами карлика, поскольку любопытство у них легко переходит в насилие, но эти уже пресытились кровью, на время, во всяком случае, и желали только одного — развлечений. Они встретили одобрительными выкриками и аплодисментами мои проделки, оглушительно хохотали, когда я корчил рожи или, соорудив из салфетки папскую тиару и водрузив ее на голову, с важным видом шагал по комнате, благословляя всех, кто приближался ко мне, дабы прикоснуться к моему облачению. Все они были чересчур пьяны и тупы, чтобы сообразить, что им чего-то не хватает. Вот почему Адриане удалось сохранить свою девственность, повару — свои кухонные ножи, а нашей госпоже — свое жемчужное ожерелье и бокалы муранского стекла. По крайней мере, в этот вечер.

Хотя надобно заметить, что в живых остались не все. Еще до наступления ночи к нашим гостям вернулась жажда крови, и двое мужчин закололи друг друга прямо за обеденным столом. Наш дом видел кардиналов и дипломатов, которые проигрывали за столом такие суммы, что их хватило бы на содержание небольшого городка, в попытке определить, с кем будет делить постель той ночью моя госпожа, но еще никто не умирал от мук задетого самолюбия, решая, кто будет пить из обычного бокала, а кто — из серебряного кубка. Пальцы одного сомкнулись на горле другого, а тот в ответ принялся орудовать ножом. К тому времени как капитан сошел вниз из спальни, полуодетый и с обнаженной саблей в руке,

все уже было кончено и оба буйна валялись на полу, с бульканьем истекая кровью, смешивающейся с лужами красного вина. Они были настолько пьяны, что, на мой взгляд, приди к ним сон, а не смерть, наутро оба ничего не вспомнили бы о случившемся. Мы завернули их в старые простыни и сбросили по лестнице в самый прохладный угол погреба. А наверху как ни в чем не бывало продолжалась гулянка.

В конце концов излишества утомили их. Во дворе заснули даже свиньи, разлеглись, похрюкивая, в грязи над нашими спрятанными сокровищами. Впрочем, в доме пахло ничуть не лучше. Повсюду стояла одуряющая вонь мочи и отрыжки, в каждой комнате вповалку лежали тяжело отдувающиеся и храпящие мужчины, одни — завернувшись в одеяло, другие — на соломенных тюфяках, а третьи валялись там, где сразил их сон. Что ж, по крайней мере, теперь они превратились в преданных нам врагов. Двери наши были заперты на засов, выставленные часовые пребывали в полубессознательном состоянии, а рядом с каждым валялась пустая фляга. На кухне повар заснул над раковиной, Адриана и близнецы заперлись в кладовой от греха подальше, дабы не совращать никого своей красотой, а я сидел за столом, обгладывая свиные кости и обучая испанским ругательствам попугая синьорины, которого, хоть он и никогда не узнает об этом, нынче вечером я спас от гибели на вертеле над очагом. Снаружи до меня доносились звуки большого города, похожие на адскую какофонию: далекие выстрелы из ружей перемежались стаккато воплей и криков о помощи.

Уже под утро ужас все-таки подкрался к нам, когда в одном из соседских домов начал кричать какой-то

СОДЕРЖАНИЕ

Историческая справка	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	91
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	271
Примечания автора	502
Слова благодарности	505
Библиография	507

Літературно-художнє видання

Дюнан Сара
Сповідь куртизанки

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Редактор *А. О. Колюбакина*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 22.07.2021. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion Pro». Ум. друк. арк. 26,88. Наклад 2300 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

Дюнан Сара
Исповедь куртизанки

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Редактор *А. А. Колюбакина*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 22.07.2021. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнітура «Minion Pro». Усл. печ. л. 26,88. Тираж 2300 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов**Харьков**

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

1527 рік. Рятуючись від розграбування Рима, куртизанка Ф'яметта і її супутник, карлик Бучино, тікають до Венеції. Усе, що в них є, — кілька коштовних камінців і бажання вижити. Хитрий Бучино і його яскрава напарниця незабаром проникають в осердя венеційської спільноти. Їхні статки починають зростати. Часи злиднів і відчаю, здається, назавжди лишилися позаду. Але на втікачів падають нові випробування. І небезпечнішою за всіх для Ф'яметти і Бучино стане сліпа цілителька Ла Драга. Лише їй до снаги зруйнувати життя карлика і куртизанки. В ім'я помсти? Або в ім'я любові?..

Дюнан С.

Д96 **Исповедь куртизанки** : роман / Сара Дюнан ; пер. с англ. А. Михайлова. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 512 с.

ISBN 978-617-12-9073-0

ISBN 978-0-316-02968-8 (англ.)

1527 год. Спасаясь от разграбления Рима, куртизанка Фьяметта и ее спутник, карлик Бучино, бегут в Венецию. Все, что у них есть, — несколько драгоценных камней и желание выжить. Хитрый Бучино и его яркая напарница в скором времени проникают в сердце венецианского общества. Их состояние начинает расти. Времена нужды и отчаяния, кажется, навсегда остались позади. Но на беглецов обрушиваются новые испытания. И опаснее всех для Фьяметты и Бучино станет слепая целительница Ла Драга. Лишь ей под силу разрушить жизнь карлика и куртизанки. Во имя мести? Или во имя любви?..

УДК 821.111

Флоренция XV века. Смерть Лоренцо Медичи оглушает Флоренцию, и число последователей проповедника Савонаролы все растет. Грядет новая эпоха, надвигаются войска французского короля. А юная и талантливая художница Алессандра готовится выйти замуж за мужчину гораздо старше ее. Ни о какой любви не может быть и речи. Девушку ждет золотая клетка и необходимость смириться с тайными пристрастиями мужа. Но сама Алессандра влюбляется в молодого художника, нанятого отцом для украшения семейной часовни. Эта страсть — отчаянная и безумная, нежная и прекрасная, как морская пена с полотен Боттичелли. Ей нужен только он — Художник, ее единственная и истинная любовь. Но нужна ли она ему?..

Италия, 1570 год. Дочь знатного миланского вельможи Изабетта отправлена в женский монастырь. Так решил отец, разлучив девушку с ее возлюбленным Джакопо, простым учителем пения. Но Изабетта не готова смириться с решением отца. Она рвется к Джакопо и потому бежит из монастыря, ставшего тюрьмой для ее любви. Однако беглянку поймали. От настоятельницы Изабетта узнала, что Джакопо уехал в Парму, предав их любовь. Девушка в отчаянии, ей не хочется жить. И тут неожиданно приходит весточка от любимого, который когда-то поклялся никогда не разлучаться с ней...